

Богиня Заговоров

Заклученная 4001, Мейлифилия Хьюз, кодовое имя в Бюро по борьбе с ересью – «Дева».

Максимальная вместимость Железной Розы – четыре тысячи заключенных, и преступникам присваиваются номера только до этой цифры.

Заклученная 4001, в данном случае «лишняя заключенная», и её дело находится не в этой тюрьме, а запечатано в штаб-квартире Бюро по борьбе с ересью, недалеко от Железной Розы.

Её перевело в эту тюрьму подразделение, где в прошлом работал Эйден.

Эта камера была построена шесть лет назад, тайно переоборудована путем изоляции части подземелья в Железной Розы, которая раньше была заброшена и засыпана. Средства на переоборудование также были выделены Бюро по борьбе с ересью. По сути это был гигантский сейф из мифрила глубоко под землей. Будь то сама камера или сложный проект размещения под землей, расходы были астрономическими, и тюрьма Железной Розы, естественно, не могла позволить себе такую сумму.

То есть, строго говоря, эта камера должна принадлежать Бюро по борьбе с ересью, а сама Мейлифилия фактически не имела никакого отношения к Железной Розе, которая лишь предоставляла место для содержания заключенного.

До перевода Эйдена сюда в тюрьме не было человека, который знал бы о существовании этой камеры. Не говоря уже о том, что ни у кого не было полномочий открывать её дверь. Кабинет начальника тюрьмы, расположенный прямо над камерой, также был перенесен сюда после вступления Эйдена в должность.

До этого комната использовалась Бюро как архив, под предлогом, что использует хорошо охраняемую Железную Розу для хранения некоторых своих лишних файлов.

Высшее руководство Бюро по борьбе с ересью было готово отпустить Эйдена, отличного следователя, и согласилось на его перевод в основном из-за Мейлифилии – им как раз требовался человек, знающий о существовании заключенной 4001, чтобы регулярно следить за её статусом.

И Эйден и Мейлифилия кое-как связаны.

— Когда мы в последний раз виделись? — Мейлифилия говорила как-то вяло, словно ещё не до конца восстановилась после долгого сна.

— Полмесяца назад, — Эйден занял место за столом для допросов, снял шляпу и положил её на край.

— Это редкий визит, давно пора сыграть со мной партию, — потребовала Мейлифилия.

— Хорошо, во что?

Эйден поднял коробку, стоящую на столе, и открыл её, выложив множество самодельных шахматных, и не только, фигур и доску.

— Самолётные шахматы, — ответила Мейлифилия, не задумываясь.

*Примечание: Самолётные шахматы (Aeroplane Chess, Aviation Game или Flying Chess) — настольная логическая игра для детей. Разработанные в XX веке, аэропланнские шахматы используют самолеты в качестве фигур. На картинке вместо самолетов фишки, но суть та же, нужно довести четыре «самолета» из «ангара» до центра поля, бросая кубик.

— Тебе очень нравится эта игра на удачу, — сказал Эйден, разбирая коробку в поисках фигур для самолётных шахмат, расправляя нарисованное на пергаменте самодельное поле.

Будучи переселенцем, он не забывал о прекрасной традиции путешественников продвигать и переносить культуру своего мира в новый.

Попав в тюрьму Железной Розы, Эйден попытался популяризировать здесь некоторые культурные и спортивные мероприятия своего прошлого мира, в том числе шахматы и простые игры с мячом, которые очень понравились заключенным и улучшали их настроение.

Недостатки? Некоторые игры были настолько популярны, что дошли и до тюремных охранников, из-за чего Эйдену пришлось трижды просить своих подчиненных не пренебрегать обязанностями, предаваясь играм в рабочее время.

Мейлифилия тоже любила настольные игры – одно из немногих средств утолить скуку, кроме долгого сна, раз ей не разрешали выходить из камеры.

Конечно, единственным человеком, который мог сыграть с ней в шахматы здесь, был Эйден.

— Играя в игру, в которой задействован мозг, ты неизбежно проиграешь. Игра без какого-либо напряжения очень скучна. А в таких играх больше вариантов исхода, — Мейлифилия со спокойным выражением лица наблюдала за тем, как Эйден расставляет шахматы.

Эйден ничего не ответил, Мейлифилия говорила правду.

Она обладала вычислительной способностью, превосходящей человеческую – если Эйден судил сам то она сопоставима с ИИ его прошлой жизни. А в настольных играх, таких как шахматы, где победа или поражение определялись исключительно на основе стратегии, обычный человек никогда не сможет выиграть у неё.

— Ты первая или я? — подготовив шахматную партию, Эйден взял в руки кости.

— Я первая, — ответила Мейлифилия.

Как только эти слова были произнесены, кубик вылетел из руки Эйдена и упал на доску.

Даже после того, как большая часть её силы была запечатана десятью святыми гвоздями, она сохраняла силу, способную перемещать кости и фигуры.

— Эй-эй, ты же не жульничала? Шестерка на первом броске, — Эйден наблюдал за тем, как она ставит флажок на первую фигуру и перемещает её в зону взлета.

— У каждого свои способности, — Мейлифилия сияла, явно довольная результатом стартового хода.

Эйден тоже бросил первую руку, но набрал всего одно очко.

— Плохой год, — вздохнул Эйден.

— Итак, о чем ты хотел спросить меня на этот раз? — спросила Мейлифилия, бросая кости.

— Ты так говоришь, как будто я каждый раз прихожу к тебе ради чего-то.

— Я уже давно поняла, насколько ты лишенный душевной теплоты человек. Если не считать регулярных проверок, можно по пальцам пересчитать, сколько раз ты добровольно соглашалась провести со мной время, и каждый раз ты что-то просил, — медленно сказала Мейлифилия, посмотрев на доску. — Договорились, играй со мной в шахматы до рассвета, и я дарю тебе вдохновение.

— Похоже, это будет затяжная битва, — Эйден достал карманные часы и посмотрел на них.

— Неплохая сделка, — усмехнулась Мейлифилия. — Сегодня я не позволю тебе уснуть.

— Хорошо, тогда я приступаю к делу.

Эйден взял кости и, играя в шахматы с Мейлифилией, одновременно рассказывал о деле

Вероники.

— ...Значит, дело разрешится, если ты проведешь свидетеля и заставишь его признать, что он лжесвидетельствовал? — подвела итог Мейлифилия, выслушав Эйдена.

— Да.

— Разве это не очень просто? Просто рассорь сообщников.

— Как это сделать? — Эйден понял, что у неё уже есть идея.

— Допустим, убийца боится, что свидетель вдруг сдастся с чистой совестью, и посылает наёмного убийцу, чтобы тот заткнул ему рот. Но тот случайно терпит неудачу... — Мейлифилия зловеще улыбнулась. — Сбежавший свидетель понял, что убийца не оставит его в живых, в таком случае их отношения испортятся, верно?

— Но убийца не обязательно так поступит, — усомнился Эйден. — Этот свидетель - очень удобный персонаж для убийцы, и ему пока совершенно незачем убивать его.

— И выходит, убийцу необязательно подсылать. Достаточно, чтобы свидетель так думал, не так ли? — улыбка на лице Мейлифилии стала шире. — Так уж вышло, что у тебя на руках много хороших пешек...

Рука Эйдена, потянувшаяся за фигурами, на мгновение застыла, и он посмотрел на Мейлифилию. — Делать такие вещи...

— Не по правилам? — Мейлифилия подняла бровь, словно насмехаясь над Эйденем. — Правила смертных ничего не значат для владык. Ты ведь и сам должен понимать, к чему приведет обращение ко мне за советом, верно?

Эйден замолчал на некоторое время, продолжая двигать фигуры: — Богиня Заговоров, как всегда, придумывает хитроумные схемы.

— Так называемые интриги и заговоры в конечном счете просто определение смертных, — Мейлифилия закончила бросать кости, затем передвинула последнюю фигуру в конец. — Хорошо, я выиграла, давай начнем следующую партию.